

В.Ю.Перов, Д.Г.Кутаев

УДК 174

200-летию со дня рождения
К.Маркса посвящается

Проблемы трансформации университетской этики*

Аннотация. В статье исследуются особенности университетской этики в контексте трансформации современного высшего образования. В ходе исследования выявлено, что существующие в большинстве российских университетов «этические кодексы» носят формальный характер и остаются практически невостребованными (своеобразным исключением является СПбГУ). Проведен анализ ключевых моментов трансформации этических принципов «классического университета». Показано, что в результате формирования для университетов коммерческого «социального заказа» и внедрения информационных технологий в образование, положение преподавателя в структуре университета кардинально меняется. Преподаватель оказывается в положении социального отчуждения, которое было описано К.Марксом. В качестве главной этической проблемы зафиксирована потребность в изменении университетской этики и формировании этики университетского преподавателя, которая учитывает изменившиеся социальные требования.

Ключевые слова: классический университет, университетская этика, этический кодекс, автономия, отчуждение, трансформация высшего образования, университетская этика преподавателя.

Высшее образование в настоящее время претерпевает серьезные изменения. Появляются не только новые образовательные технологии (онлайн-курсы, информационно-коммуникационные технологии и т.д.), меняется подход к образовательному процессу (например, интерактивность, компетентностная модель и т.д.), трансформируются внутренние и внешние отношения университетской среды. Университетское образование во многом по-прежнему остается ключевым и завершающим этапом образовательного процесса, где на основе научных и технических достижений аккумулируются и развиваются как общие, так и специальные знания, приобретается профессия. Университеты являются институциями, которые реально выступают движущей силой высшего образования и до сих пор ассоциируются в общественном сознании с высшей степенью образования, наукой, новыми открытиями, достигаемыми социальными стату-

* (РФФИ №16-03-00388а-ОГН)

сом, возможностью социального лифта и т.д. При этом в современном обществе университеты сталкиваются со многими внешними вызовами, которые ставят под угрозу само существование университета в его традиционном понимании. Эти вызовы, выступающие технологическими, политическими, экономическими, социальными и т.д. факторами, влияющими на трансформации современных университетов, содержат и этическую составляющую. Она проявляется во взаимодействии студента и преподавателя, администрации и преподавателя, университета и коллективного заказчика в лице государства, работодателей и т.д., что составляет, в том числе, и предмет того, что в обобщенном виде может быть названо университетской этикой. Университетская этика является своеобразным «синтезом» прикладной и профессиональной этики. Профессиональная этика призвана выявлять моральные проблемы профессионального поведения в университетской среде, определять соответствующие этические нормы и необходимость следовать им. При этом, когда речь заходит об университетской этике, профессиональная этика научно-педагогических работников не может быть просто редуцирована к этике ученого плюс педагогической этике. В свою очередь, прикладная этика занимается проблемами, которые носят открытый, междисциплинарный характер и решает конкретные морально-проблемные ситуации, которые возникают в процессе трансформации университетской среды в целом, в связи с тем, что меняется само общество и появляются новые научные и технические достижения. Но и в этом случае она не может быть полностью редуцирована к этике науки или образования. Общим для понимания университетской этики и в качестве профессиональной, и в качестве прикладной является тенденция ее кодификации.

За последние годы практически все российские университеты «обзавелись» документами под общей темой «этический кодекс», вне зависимости от того, как они фактически называются, поскольку спектр наименований достаточно широк («этический кодекс», «моральный кодекс», «университетский кодекс», «кодекс академической этики», «корпоративный кодекс», «кодекс корпоративной этики» и т.д.). Кажущееся изобилие кодексов и распространенность университетской этики исчезают даже не под пристальным, а под беглым взглядом (что, кстати, делает практически бессмысленной попытку их содержательного теоретического исследования и анализа практической состоятельности), поскольку обнаруживаются следующие обстоятельства.

В большинстве случаев речь идет о двух-трех вариантах «этических кодексов», из которых или механически комбинируется какой-

то свой вариант, теряющий при этом цельность и последовательность, или просто копируется исходный, иногда меняя зачем-то название, и он выдается за собственную разработку. Конечно, можно возразить, что подобное положение вызвано схожестью моральных проблем, существующих в современных российских университетах, что, в свою очередь, предполагает и схожесть их решений в виде принятия «этического кодекса». Но этот аргумент нельзя признать убедительным в свете дальнейших рассуждений.

На сайтах (а на сегодняшний день именно они являются главным публичным источником информации о деятельности любой организации) подавляющего числа российских университетов найти текст «этического кодекса» практически невозможно. Для этого, чаще всего, нужно точно знать название указанного документа и его реквизиты, но и это знание не всегда помогает. Еще меньше шансов найти «следы» использования этого кодекса в любом из возможных вариантов: обращение к его положениям в каком-то контексте, решения этической комиссии, призванной обеспечивать его соблюдение (если такая, конечно, существует), или что-то подобное. В редких случаях этический кодекс оказывается «задействованным», когда возникшая ситуация приобретает характер публичного скандала, и руководство университета вынуждено его использовать в демонстративных целях по принципу «сигнал поступил – меры приняты». Такое положение дел свидетельствует о следующей тенденции: этические кодексы, если и создаются, то только «для проформы», и степень их востребованности «стремится к нулю». И это при том, что вряд ли кто-то будет утверждать, будто современная университетская жизнь и само существование университетов свободно от моральных проблем, требующих целенаправленных усилий по их разрешению.

Справедливости ради следует отметить, что в деле функционирования этических кодексов в российских университетах есть по крайней мере одно, пусть не бесспорное, но заметное исключение. В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) существует этический документ, под названием «Кодекс универсанта» (кстати, имеющий уже не первую редакцию, что обычно свидетельствует о наличии интереса к документам подобного рода), и действует Комиссия по этике. Поскольку в задачу данной статьи не входит ни детальный анализ самого Кодекса, ни деятельности Комиссии (в отношении последнего это сделать крайне затруднительно по причинам, которые будут указаны ниже), то стоит кратко остановиться на наиболее показательных моментах.

1) «Кодекс универсанта» на сайте СПбГУ представлен в перечне основных нормативных документов (Устав СПбГУ, Лицензия на

право ведения образовательной деятельности. Свидетельство о государственной аккредитации, Правила обучения и т.д.) [7]. Тем самым подчеркивается определенный статус Кодекса в качестве базового документа, регламентирующего деятельность университета.

2) На сайте существует специальная страница, на которой представлен не только состав Комиссии по этике СПбГУ, но опубликованы все протоколы с решениями [8]. За все время её существования, с 2011 года по настоящее время, было принято более 30 решений по этически спорным вопросам, которые впоследствии, согласно Уставу СПбГУ, утверждались на ученом совете университета. Помимо публикации на сайте, существует практика информирования о принятых решениях универсантов посредством корпоративной почты.

3) Кроме этого, на сайте СПбГУ существует специальная страница, на которой представлен обзор деятельности Комиссии по этике и принятых решений [6].

Несмотря на кажущуюся «этическую идиллию», ситуацию с работой Комиссии по этике в СПбГУ нельзя признать бесспорной.

Во-первых, к сожалению, «широкой общественности» оказываются доступны только результирующие документы в виде окончательных решений, в которых сама суть этического конфликта зачастую описана предельно общим образом. В связи с этим, оказывается невозможным проанализировать по существу и оценить характер обращений, позиции конфликтующих сторон, представленные в Комиссию материалы и аргументы, на основании которых принималось соответствующее решение. И речь идет не только об исследовательском интересе для «философов-этиков». Практическое значение «открытости» этических комиссий обусловлено, с одной стороны, тем, что ее главной задачей является не столько наказание, сколько поддержание, в данном случае, стандартов университетской этики. А это возможно лишь тогда, когда субъекты профессиональных отношений ясно понимают этические границы дозволенного/недозволенного поведения, а для этого необходимо владеть как можно большей информацией об основаниях решений в сфере этики. С другой стороны, ситуация любого, в том числе и нравственного конфликта, сопровождается большим количеством ложной или сомнительной информации, прямо или косвенно распространяемой участниками этого конфликта. Отсутствие же если не бесспорной, но хотя бы информации, удостоверенной Комиссией, служит основанием для подозрений к этической безупречности принимаемых решений.

Во-вторых, достаточно странным выглядит отсутствие у Комиссии официального регламента работы, порядка подачи обращений, сроков их рассмотрения и принятия решений. В связи с этим,

бывали случаи, когда обращения оставались не только без рассмотрения, но даже без объяснения причин и информирования об отказе, что подрывает доверие к ней в глазах университетской общественности. Нет сомнений, что изменение указанных обстоятельств способствовало бы деятельности Комиссии в решении вопросов о поддержании университетской этики.

Несмотря на изложенные критические замечания, следует признать, что работа в области университетской этики в СПбГУ существенно отличается от того, что происходит в этой области в других университетах, хотя бы потому, что эта работа имеет место быть, а в других данная деятельность почти или полностью отсутствует, по крайней мере в качестве систематической и целенаправленной. Поэтому, возможно, и следует согласиться с риторически сформулированной В.И.Бакштановским идеей о не реалистичности и утопичности университетской этики, по крайней мере в ее действенном практическом и прикладном вариантах. В качестве одного из возможных стоит предложить вариант, который не претендует на исчерпывающее объяснение, но затрагивает существенные моменты современного состояния университетской этики и отношения к ней.

В настоящее время происходит трансформация «классического университета» к другим формам, организациям и институтам высшего образования, в то время как нормы и ценности практически всех «кодексов» университетской этики ориентированы именно на идеалы «классического университета». Хотелось бы сразу оговориться – речь не идет о том, что нужно «отринуть всё старое», но изменяющиеся, а зачастую уже изменившиеся, условия требуют если не пересмотра, то по крайней мере уточнения и корректировки существующей модели. Для обоснования сформулированного гипотетического предположения, во-первых, стоит рассмотреть понимание «классического университета» и его современное состояние; во-вторых, учесть как происходящие изменения сказываются на ключевых отношениях университетской жизни, а следовательно, и ее этических нормах и ценностях.

Термином «классический университет» в отечественной традиции обычно связывают с идеалом так называемого «гумбольдтского университета» и теми характеристиками, которые ему приписываются: принципиальная академическая свобода и синтез преподавательской и исследовательской деятельности, самоценное занятие наукой, высокая степень автономности от государства. При этом университет как структура всегда предполагает преемственность в развитии. Соответственно, модель, которая сформировалась, была компромиссной для того времени, противостоящей средневековым це-

ховым университетам и удовлетворяющей растущие потребности государства и общества в образованных людях при постулировании академической свободы в контексте соединения образования и науки. В зависимости от исторической, социальной и политической конъюнктуры данная модель в отдельные периоды и в разных странах трактовалась по-разному, но заложенные в ней принципы конструктивно остаются актуальными до сих пор. В основе того, что называется университетом, лежит идея универсального рационального знания и культуры. «Проблема универсалий как проблема рационального мышления в Античности, уже в Средние Века приводит к зарождению первых университетов как культурно-образовательных сообществ. Знание, истина, ратцио и логос становятся понятиями, трансформирующими университет как целое. Таким образом, сформировалась «идея университета» определившая его сущность и существование. Далее Просвещение определяет университет именно как классический» [3, 15]. Исторически университетское образование не было всеобщим или обязательным, оно являлось прерогативой только отдельных социальных классов, но при этом служило функцией социального лифта и обеспечивало основы для максимально широкой социальной мобильности, поскольку предполагало ориентацию именно на науку и образование, в минимальной степени ориентируясь на то, что в предельно общем виде может быть названо «как потребности рынка труда», понимаемого в качестве политического или экономического «социального заказа». *«Классический университет всегда был местом опережающего развития высшего и послевузовского образования, точкой роста и зарождения научных и педагогических инноваций».* С другой стороны, *классическое университетское образование всегда отличалось тем, что оно выходило за пределы знаниево-умениевых и компетентностных результатов»* [4, 108].

Сформированные в ходе исторического развития этические нормы и ценности «классического университета» оказались зафиксированными в The Magna Charta Universitatum (Великая Хартия Университетов), которая была подписана представителями 816 университетов из 86 стран в честь 900-летия основания старейшего из европейских – Болонского университета (хотя на эту «пальму первенства» небезосновательно претендует и Парижский университет).

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Университет является автономным учреждением, лежащим в основе обществ, по-разному организованных в соответствии с особенностями географии и историческими традициями; он создает,

изучает, оценивает и передает из поколения в поколение культуру при помощи научных исследований и обучения. Чтобы соответствовать требованиям окружающего мира, эти исследования и обучение должны быть морально и интеллектуально независимы от всех политических властей и экономического давления.

2. Обучение и исследования в университетах должны быть неразделимы, если их преподавание не отстает от изменяющихся потребностей, запросов общества и успехов в научных знаниях.

3. Свобода в исследованиях и профессиональной подготовке есть фундаментальный принцип университетской жизни, и правительства, и университеты, каждая в своем направлении, должны уважать это фундаментальное требование. Отвергающие нетерпимость и всегда открытые для диалога, университеты представляют собой идеальное место встреч для преподавателей, где можно поделиться своими знаниями и хорошо подготовиться для их развития с помощью исследований и инноваций, а также для студентов, имеющих право, возможности и желание повысить свои знания.

4. Университет является хранителем традиции европейских гуманистов; его постоянной заботой является достижение универсальных знаний; для выполнения своего предназначения он действует вне географических и политических границ и утверждает жизненную потребность различных культур познавать и влиять друг на друга [8].

В настоящее время происходит трансформация как самой идеи, так и практики «классического университета», чем бросается вызов и актуальности изложенных «фундаментальных ценностей». Основная проблема, которая стоит перед университетом в связи с его трансформацией, это – противоречие между идеей классического университета, в его традиционном понимании, и иными научными, социокультурными, политическими, экономическими, технологическими и т.д. условиями. В частности, происходит массовизация высшего образования, появление новых технологий и широкий доступ к информации; усиливается научная специализация и – как следствие – возникает необходимость ускоренного обновления методологической, научно-теоретической, лабораторной базы; растут социально-политические и экономические требования к университетам; возникает глобализация и перераспределение научных работников в мировом масштабе, растёт число корпоративных и частных исследований с закрытыми результатами, охраняемыми патентными правами. Более того, складывается ситуация, при которой сама идея универсальности знания, на которой базируется «гумбольдтовская модель», подвергается критике. Появляются новые модели и формы образовательных организаций. Например, в современной России идет про-

цесс активного создания и апробации различных форм организации университетов: классические университеты, научно-исследовательские, опорные и т.д., чьи организационные формы специфическим образом накладываются и сочетаются с педагогическими, экономическими, инженерными, техническими, медицинскими и прочими высшими учебными заведениями, получившими название «университеты». Подобная «мультипликация» университетов, пусть и в других формах, соответствует и общемировым тенденциям развития высшего образования. Так, например, Б.Р.Кларк в работе «Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации» прилагает следующий перечень того, во что, по его мнению, должны трансформироваться университеты: «кампусный университет», «ответственный университет», «университет без границ», «сфокусированный университет», «гибкий университет» [5, 93-94]. И своеобразным «венцом» такого многообразия должен стать «фондовый университет», который путем гибридного финансирования (государственное и самофинансирование) способен добиться внешней автономности [2, 135]. В результате всего этого университет, по крайней мере «классический», в глазах общественного мнения во многом теряет свой особый привилегированный статус и приоритет на получение и распространение универсально востребованных знаний.

В этическом контексте в современном обществе классический университет претерпевает изменения, прежде всего связанные с его автономностью, которая выступает не только его сущностной характеристикой, но, в значительной степени, этическим императивом и идеалом («университет, чтобы считаться настоящим университетом, должен быть автономным»). Меняется классическая форма деления на дисциплины, вместо этого возникают образовательные программы, появляется запрос на массовые и доступные, в том числе интерактивные формы преподавания. Университет меняется: структурно и функционально. Современный университет – это «мультиверситет – включает широкий спектр различных видов деятельности. Среди которых как ключевые функции и вторичные виды деятельности, так и социально-экономические изменения, которые непосредственно сопутствуют его деятельности» [2, 33].

Быстрые социальные изменения и темпы научно-технического прогресса с необходимостью сказываются на высшем образовании в нескольких контекстах: *во-первых*, оно количественно скачкообразно выросло за последние десятилетия, так как для высокотехнологического производства требуется больше квалифицированных специалистов, а еще и потому, что произошла массовизация образования. К

тому же система высшего образования стала выполнять политическую функцию «социального сдерживания». В качестве социального института высшее образование стремится вобрать в себя как можно большее количество молодых людей для «купирования» потенциальной протестной активности и воспитания лояльности к политической и экономической власти

Во-вторых, происходит трансформация образования, понимаемого в качестве социального блага, смысл которого не только в заинтересованности и поддержании со стороны общества в лице, например, государства, но и общедоступность его результатов. В традиционном понимании классического университетского образования воплощен своеобразный парафраз этики утилитаризма: «чем больше будет хорошо образованных людей, тем лучше будет всем». В условиях превращения высшего образования в коммерчески ориентированный «социальный заказ» и сферу услуг, происходит трансформация социального блага в частное, вся польза от которого достается «получателю», то есть тому, кто заплатил за эти услуги, осуществил инвестиции или капиталовложения. *В-третьих*, все возрастающая роль информационных технологий, приводит к нарастающему отчуждению (в классическом понимании К.Маркса об отчуждении труда со всеми его характеристиками). Наиболее очевидным образом это проявляется в следующем.

А. Появление и широкое распространение новых образовательных технологий «открытого образования» (дистанционное образование, MOOC (Massive Open Online Courses – Массовые открытые онлайн-курсы). Даже если отвлечься от вопросов качества получаемого таким способом образования, возникает отчуждение педагогического труда. *С одной стороны*, в силу того, что само создание онлайн-курсов происходит по заданному технологическому шаблону: не преподаватель уже определяет способ преподавания на основе своих знаний и профессионального опыта, он вынужден подгонять его под «прокрустово ложе» компьютерной программы. *С другой стороны*, будучи созданным как «продукт на продажу», дальнейшее существование онлайн-курса уже не нуждается в данном преподавателе как его создателе, то есть он будет существовать отчужденным способом. Сама исходная идея онлайн-образования состоит в том, что использовать и сопровождать процесс онлайн-обучения могут люди с более низким уровнем образования и квалификации. И *последнее*, процесс образования полностью лишается «личностного компонента». На место отношений «человек-человек» становится отношение «человек-машина», что также является одним из признаков господствующего отчуждения.

Б. Использование информационных технологий привело к существенным изменениям трудовых отношений в университетах. Трудоустройство, получение степеней и званий, карьерный рост и т.д. в современных российских университетах всё в большей степени ориентированы на библиометрические (количественные), чем на экспертные заключения коллег-профессионалов (качественные показатели). Оставляя в стороне вопросы о значимости библиометрии, в контексте нарастающего отчуждения хотелось бы обратить внимание на то, что все существующие библиометрические базы данных *не являются составной частью науки и высшего образования, то есть являются внешними, а во многом и чуждыми по отношению к ним*. Это означает, что ни научные учреждения, ни университеты, ни, тем более, ученые и преподаватели, никак не могут влиять на их деятельность. Это приводит к тому, что, попадая в эти базы данных, результаты научной деятельности становятся отчужденными от их авторов. Известны многочисленные случаи, когда в результате технической ошибки, программного сбоя или по необъясненной причине (а владельцы и сотрудники этих баз данных не обязаны отчитываться перед авторами) опубликованная статья, а иногда и целый номер какого-то журнала, «выпадают» из библиометрической базы или аффилируются с другим автором. Казалось бы, что в этом страшного? Статья есть, она – опубликована, есть автор, выходные данные, можно прочитать, оценить содержание и качество работы. Но в результате социального отчуждения, спровоцированного информационными технологиями, всё это не имеет никакого значения: «нет в базе данных, значит, не существует». И никакое квалифицированное экспертное мнение профессионального университетского сообщества не в состоянии повлиять на позицию администрации университета. Более того, проводя дальнейшие аналогии с процессом отчуждения, стоит обратить внимание, что для конкурсных условий на педагогические должности количественные, в том числе и библиометрические условия, по воле администрации постоянно растут, что очень напоминает «потогонную систему» классического капитализма.

Указанные обстоятельства, связанные с растущим отчуждением научно-педагогической деятельности, приводят к выводу, что в современном обществе автономия теряют не только сами университеты, но и преподаватели, превращаясь в наемного работника «коммерческой образовательной корпорации». В современном обществе еще в большей степени оказываются справедливыми слова К.Маркса и Ф.Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии»: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговей-

ным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» (1, 427). В таких условиях образование становится услугой, которую оказывает преподаватель, а администрация оплачивает труд преподавателя как наемного работника. При этом, остается не до конца понятным, кому оказывается эта услуга: студенту? обществу в лице государства? работодателю в лице руководства университета? некоему «потенциальному» работодателю? Фактически получается, что администрация университета просто собрала всех преподавателей вместе, предоставляя возможность использовать интеллектуальный потенциал преподавательского состава неизвестному потребителю, чьи интересы далеко не всегда совпадают, а зачастую, и противоречат друг другу.

Как и в случае «фабричного рабочего» времен К.Маркса, сегодня на преподавателя ложится основная работа, но при этом он практически полностью лишен возможностей оказывать влияние на итоговый результат. В силу специфики организации учебного процесса в университетах именно на преподавателя ложится основная ответственность за качество преподавания, хотя, в строгом смысле слова, сам преподаватель ничего не продает. Претензии о некачественно оказанной образовательной услуге необходимо предъявлять к администрации вуза, а не преподавателю, но существующие требования именно его делают ответственным. Современный преподаватель лишен возможности влиять и на образовательную политику вуза, поскольку в ведущих российских университетах выборы ректора отменены официально, а в остальных превратились в формальность, поскольку перечень кандидатур определяется в Минобрнауке РФ, а полномочия ученых советов сократились настолько, что говорить о каком-то университетском самоуправлении не представляется возможным. Теперь преподаватель находится в роли наемного работника, имеющего одни обязанности и практически лишенного прав на процесс и итоги своей профессиональной деятельности, которая выступает по отношению к нему отчужденной силой, персонифицированной в лице администрации университета. Эти процессы зашли настолько далеко, что теперь никого не удивляет, что в обязанности преподавателя вменяется «подрабатывать на стороне» в виде участия в грантах, проектах и т.д. Уже стало нормой, что в критерии аккредитации университета внесены пункты о том, сколько дополнительного дохода должно приходиться на одного преподавателя, а с преподавателей некоторых университетов администрация требует дополнительно заключенных договоров на проведение научных исследований в конкретных суммах.

Хотелось бы отметить, что описание сложившейся ситуации не подразумевает «ностальгию» по «золотому веку» классических университетов. Целью было зафиксировать то, что современный университет уже перестал быть «классическим», по крайней мере в нормативном отношении. Но это означает, что возникают иные отношения как внутри университета, так и в его взаимодействии с обществом, что требует переосмысления и этики данных отношений, то есть изменения университетской этики.

В современном обществе университет теряет свою идентичность, ассоциируя себя с корпоративным сегментом экономики, например, со знаниевой корпорацией. В свою очередь, это объективно нарушает весь внутренний механизм работы классического университетского этоса, в котором преподаватели добровольно, щедро и практически безвозмездно используют свои знания и умения, тратят свое время, помогая университету, коллегам, студентам, выполняя тем самым свою социальную миссию. Проблема в том, что существующие этические кодексы требуют именно таких взаимоотношений, превращаясь тем самым в «нереалистическую утопию». При этом речь не идет о том, что нужно «отбросить» классический университетский этос. Необходимо осознание современного, относительно «отстраненного» по отношению к университету положения преподавателя, и формирование самостоятельной университетской этики, которая, базируясь на этических ценностях и традициях классического университета, учитывала бы и современные реалии: положение преподавателя как наемного работника, библиометрию, онлайн-образование, пруденциальный интерес в науке и высшем образовании и т.д. Формирование такой университетской этики и закрепление ее в этических кодексах, с одной стороны, будет способствовать решению возникающих этических проблем и разрешению нравственных конфликтов, с другой – повысит роль и потребность в этике в университетском сообществе. Более того, формирование собственной этики университетского преподавателя, базирующейся на автономии научного знания и педагогического опыта, позволит выстроить отношения, в которых именно преподаватель будет занимать достойное место в университетской жизни.

Список литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений, 2-е изд., М., т.4.
2. *Коллини С.* Зачем нужны университеты? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

3. *Петрова Г.И.* Классический университет в неклассическое время. Томск : Изд-во Научно-технической литературы, 2010.

4. *Остапенко А.А, Ткач Д. С., Хагуров Т.А.* Останется ли классический университет классическим?// Классический университет: вызовы времени и пути развития (колл. монография под общ. ред. Д. С. Ткач), Краснодар: Парабеллум, 2014.

5. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации». М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2011.

6. Как решаются в Университете этические вопросы? [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/kak-reshayutsya-v-universitete-eticheskie-voprosy> (дата обращения 10.05.2018).

7. Кодекс Универсанта [Электронный ресурс]. URL: (<https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta>) (дата обращения 10.05.2018).

8. Комиссия по этике [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/topics/562> (дата обращения 10.05.2018).

9. The Magna Charta Universitatum (has been signed by 816 Universities from 86 countries 18 september 1988, Bologna, Italy) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magna-charta.org> (дата обращения 10.05.2018)